
УДК 811.352.3

ББК 81.602

Г 51

Гишев Н.Т.

Доктор филологических наук, заведующий отделом языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований; e-mail anzor/56@mail.ru

Семантическая взаимосвязь лексических единиц речи

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются языковые явления, нарушающие семантическую взаимосвязь лексических единиц речи. Приводятся сочетания несовместимых друг с другом, с точки зрения логики, лексических единиц, большей частью препятствующих пониманию содержания текста (речи). Выявляются и объясняются примеры из адыгейского и кабардино-черкесского языков, что является целью и задачей настоящей работы. На основе анализа материала установлено, что нарушения сочетаемости слов в языке необходимо уменьшить или практически разъяснить, что в речи могут быть нарушения логического порядка, но не языковых законов, которые почти неизменны.

Ключевые слова:

Закономерности сочетаемости слов, нарушение закономерностей (т.е. синкретизм), несовместимость, моделирование словосочетания по значению.

Gishev N.T.

Doctor of Philology, Head of Language Department, Adyghean Republican Institute of Humanitarian Researches; e-mail anzor/56@mail.ru

Semantic interrelation of lexical units in speech

Abstract:

The paper discusses the language phenomena breaking semantic interrelation of lexical units in speech. The author gives the lexical unit combinations which are incompatible with each other, from the point of view of logic, and which hamper understanding the content of the text (speech). Examples from the Adyghean and Kabardino-Circassian languages are given and explained. A conclusion is drawn from the analysis of a material that it is necessary to reduce word compatibility violations in language or to explain that speech can contain violations of a logic order, rather than of language laws which are almost invariable.

Keywords:

Laws of word compatibility; law violation (i.e. syncretism); incompatibility; phrase modeling by meaning.

В языке, как известно, все взаимосвязано и взаимообусловлено. Любой язык развивается по своим внутренним законам, обусловленными развитием фонетической системы, лексического состава, грамматического строя и взаимодействием форм и содержания сочетаемых слов в речи. В этой гармонии установленных закономерностей элементов языка могут быть нарушения логического порядка. Эти

нарушения обычно вызваны определенной социальной средой, влиянием диалектов, говоров или просторечий, небрежным отношением говорящего к своей речи или пишущего к своему изложению, а также пережитками прошлых явлений языка. В синхронном плане нарушения чаще всего происходят в языке по вине писателей и поэтов, использующих в стилистических целях в своих произведениях сочетания слов разнородных, противоречивых, несовместимых лексических единиц.

К примеру, в период расцвета литературного течения символизма в ранних произведениях Александра Блока встречаются такие типы синкретизма, как *синие загадки, седой намек, певучий взор, синяя буря, красный смех, звучная тишина, задумчивые болты, снежный огонь, метельный пожар, снежная кровь, тонкорунная грусть* и т.д. Такие синкретические образы в произведениях поэта являются одними из проявлений его стиля [1], но они никак не отвечают логической сочетаемости слов в языке. В данной статье мы хотим показать явление логического нарушения сочетаемости лексических единиц в адыгских языках. К примеру, сочетание твердых или сыпучих и жидких предметов с глаголами-сказуемыми различается по логике совместимости и несовместимости. Нормой семантической взаимосвязи лексических единиц речи (или текста) будет, если мы скажем *псы исэшъу* «воду пью» и *пхъэ сэгъэсты* «дрова сжигаю». Отклонением от нормы будет, если мы скажем *псы сэгъэсты* «воду сжигаю» и *пхъэ исэшъу* «дрова пью». Подобное отклонение не будет нарушением в смысле чисто языковых норм; оно является отклонением лишь в логическом плане, т.е. нарушением по значению. Это показывает связь языка и логики. Без значения язык не может быть средством общения в обществе. Таким же образом голая логика не может существовать без связи, сочетания слов в предложении по законам языка. В адыгейском языке, да, видимо, и во

многих других языках, твердые предметы «моются», а мягкие – «стираются», например *столыр атхъакIы* «стол моют», но *джанэр агыкIы* «платье стирают». Отклонение от этой сочетаемости будет нарушением языковых норм по значению в письменной и устной формах общения.

Насколько нам известно, в специальной литературе данный вопрос мало освещается. Нами этот вопрос рассматривается еще в 1982 году, где изложено следующее: «В словаре Л.Люлье слово *«умытый»* переводится как «таджига» и «ггычега». Эти слова в современном адыгейском языке звучат как *тхъакIыгъэ* и *гыкIыгъэ*, имеющие значение «умытый» и «постиранный» соответственно. Это показывает, что адыги, возможно, когда-то не различали понятия «мыть» и «стирать». По-видимому, не является случайным использование в фольклоре *гыкIын* «стирать» там, где следовало бы ожидать *тхъакIын* «мыть (лицо)» или *фыкIэн* «мыть (волосы)». Например: *ХъакIэмэ яшыхэр псым дэжъ ыцъхи чэпэгык! ышIыгъэ.* - Лошадей гостей (он) повел на речку и постирал бока [2: 133].

Моделирование словосочетания в любом языке подчиняется, как известно, определенным законам по значению сочетаемых слов. При нарушении существующих закономерностей язык или сообщение становится непонятным для собеседника, т.е. речь становится неудобной для восприятия. Так, писатель Борис Тимофеев отмечает следующее: «Насыпь мне борщ!» «С такой просьбой обратился один студент к своей матери. На мой вопрос, отличает ли он тела сыпучие от жидких, он ответил, что привык так говорить с детства и что на Кубани, откуда он родом, все так говорят.

Однако эта ссылка на местный говор меня не убедила: надо говорить правильно по-русски, а не «по-кубански», всегда помня завет А.М. Горького в «Письмах начинающим литераторам»: «У нас в каждой губернии и даже во многих

уездах есть свои «говоры», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски» [3: 51].

Подобные случаи имеются и в адыгских языках. Так, использование в современном кабардинском языке (один из адыгских диалектов-языков) слова «иклутын» «вылить» в сочетании с сыпучим предметом - *гуэдзыр иклутын* (пшеницу вылить) является отклонением от языковых норм по значению сочетания составляющих слов. В адыгейском (кяхском) языке нормой сочетания сыпучих предметов с глаголом является слово *итэкъун* (высыпать). Следовательно, закономерностью для адыгских языков следует признать сочетание *коцыр итэкъун* (каб. *гуэдзыр итэкъун*) «пшеницу высыпать». В современном адыгейском языке для сыпучих предметов используется слово «итэкъун» «высыпать» - *куэцыр итэкъун* «пшеницу высыпать», а для жидких - «иклутын» «вылить» - *псыр иклутын* «воду вылить», что является закономерным для всех адыгских языков и их диалектов. Однако следует отметить, что кабардинскому языку не чуждо также слово «иклутын» «вылить» для сочетания с жидкими веществами или предметами, наряду с сочетанием с сыпучими предметами в значении «вылить».

Устойчивым отклонением от норм сочетаемости по значению в кабардинском языке следует выделить слово *иклутын, иклутэн* «вылить» («высыпать»), «залить» («засыпать») - *Хъэниклэ хъэжыгъэр къэным иклутэн* [4: 731] (Совком муку в мешок засыпать («залить»)). В данном случае в адыгейских языках используется слово *итэкъон* «засыпать». Исключением является кабардинский язык. Слово *ицхъэцикълутэн* «доливать» в прямом переводе означает в кабардинском «досыпать» *что-л. чего-л. Къэным нартыху пэгун ицхъэцакълутац* [4: 784] (Досыпал в мешок ведро кукурузы). По-кабардински говорят «долили». Тем самым нарушают сочетаемость слов по значению - кукурузу

доливать нельзя, ее досыпают.

В кабардинском и адыгейском языках («диалектах» адыгских языков) встречаются и другие расхождения в сочетаемости слов по значению. Так, слово *бэуэн* [4: 37] в кабардинском означает «дышать», а в адыгейском - «целовать». Понятие «дышать» в адыгейском языке передается словосочетанием «*жъы къэцэн*» (досл. - «воздух тянуть к себе»). Понятие «целовать» в кабардинском языке передается словосочетанием «*ба хуэщлын*», хотя для него и не чуждо слово «бэуэн». Словосочетание в адыгейском *сабым ебэун* представляется нам более естественным в значении «ребенка поцеловать», чем кабардинское *сабым ба хуэщлын*. Таким же образом более закономерным сочетанием по значению (по смыслу) является, как нам кажется, адыгейское *сабым жъы къэцэ* «ребенок дышит», чем кабардинское *сабыр мэбауэ*.

Использование слова *бзаджагъэ* [4: 47] в кабардинском языке в значении «хитрость» создает некоторое неудобство в адыгейском языке, так как *бзаджагъэ* образуется от слова *бзаджэ* «злой». Вполне нормально в адыгских языках сочетание *цлыф* (каб. *цлыху*) *бзаджэ* «человек злой», но сочетание *цлыф* (каб. *цлыху*) *бзаджагъэ* создает неудобство. В данном случае более естественным сочетанием по значению было бы адыг. *цлыф тхъэгъэц!* (или *хылэ*); каб. *цлыху хылэ* (или *тхъэгъэц!*) «хитрый человек (или клятвопреступник)». По логике вещей, *хитрый* человек не всегда злой, так что использование слова *бзаджагъэ* в значении «хитрость» в кабардинском языке является отклонением от нормы сочетаемости слов по значению в адыгских языках.

В кабардинском языке слову *гуэщлын* [4: 71] придают значение «вытерпеть», «выстрадать» *что-л.* - *Хъэзаб куэд гуэщлын* (Много муки вытерпеть). Однако в нем употребляется более подходящее слово *иэчын* с тем же значением «вытерпеть», «выстрадать». В адыгейском языке

для выражения тех же значений используются слова *кIэхэкIыю* > (*пэкIэкIын*) и *цэчын*. Мы считаем, что употребление слова *гуэцIын* в кабардинском языке создает неудобства в соблюдении норм сочетаемости слов по значению. Правильно будет в адыгских языках использовать сочетание *кыныбэ пэкIэкIыгъ* (много трудностей перенес), в каб. *гугъуехъ куэд пэцIэкIа* (много трудностей перенес) или *жеузыр цэчын* (каб. *шэчын*) (вытерпеть боль).

Адыгейские слова *гуэцыйэ* (слово) и *псалъэ* (речь) имеются и в кабардинском языке. В словосочетаниях с этими словами в том и другом не наблюдается отклонение от существующих норм по значению. Однако следует обратить внимание на то, что в адыгейском языке *гуэцIэ* употребляется в значении «слова» - *Гуэцыйэ дахэм блэр гъуанэм кыырецы* (Красивое слово и змею выводит из норы), а слово *псалъэ* - в значении «речь». В кабардинском слово *гушыIэ* применяется в значении «шутка», «юмор», а *псалъэ* - в значении «слова», «речь». Использование слова *гушыIэ* в значении «шутка», «юмор» создает большие неприятности в адыгских языках (вернее - в адыгейском языке): все словосочетания со словом *гуэцIэ-гуэцIаль* (словарь), *гуэцIэ шъыпкъ* (правдивое слово), *дахэу мэгуэцыйэ* (красиво говорит), *гуэцыйэ ытыгъ* (дал слово) и т.д. в кабардинском языке превращаются в «шутку» (в «юмор»). Да и нарушаются нормы словосочетания по значению. Ведь не скажешь же так: *гуэцыйэ шъыпкъ* (правдивая шутка), *гуэцыйэ ытыгъ* (дал шутку) и т.д. В адыгейском языке есть слово со значением «шутка» - это *сэмэркъэу*; «юмор» - это *нарэ*. В кабардинском языке, как и в адыгейском, имеется слово *сэмэркъэу* [4: 607] со значением «шутка» (*I Ауан, гушыIэ*): *сэмэркъэуэн* (шутить). Если в нем отсутствует слово *нарэ* (юмор, анекдот), то вместо него можно было употребить *ауан*. Кстати, и в адыгейском языке слово *нарэ* (юмор, анекдот) не является активным словом, оно стало чаще употре-

бляться в последнее десятилетие.

В кабардинском языке встречаются слова с суффиксом *-къуэн*, например: *е-уэ-къуэн* (ударить слишком сильно) - *Еуакъуэри удын тридзащ* (ударил слишком сильно и образовался ушиб); *жэ-къуэн* (пробежать, проскакать, больше и дальше, чем нужно) - *Шыр жэкъуащ* (лошадь слишком далеко пробежала); *кIуэ-къуэн* (пройти больше, чем нужно (о расстоянии) / *Юуэцэн, кIуэIон* (слишком много пройти); *псалъэ-къуэн* (много говорить) [4: 161, 171, 350, 569].

В адыгейском языке суффикс *-къуэн* придает слову модальное значение (т.е. *-къуэн* выражает предупредительные модальные отношения): *укIуэ-къуэ-н* (смотри, не ходи); *зыбгъэделэ-къуэ-н* (смотри, не дурачься). Например: *Мы мэфэ ошIухэм Iоф умышIэу уцысы-къуэ-н* - «В эти погожие дни, смотри, без дела не сиди». *Цыфымэ апашъхэ укыыцыгуэцыйэ хъумэ укыыхэу-къуэ-къуэ-н* - «Когда будешь выступать перед людьми, смотри, не запинаясь». *Экзаменхэр птыхэ зыхъукIэ зыбгъэделэ-къуэ-н* - «При сдаче экзаменов, смотри, не дурачься» [5]. Следовательно, в кабардинском языке, как нам представляется, наблюдается отклонение от норм языка по значению и тем самым нарушаются нормы сочетаемости слов по их значению. Приведенные выше кабардинские примеры следовало бы перевести на русский язык следующим образом: *е-уэ-къуэн* - «смотри, (чтобы он) не бил»; *жэ-къуэн* - «смотри, чтобы он не бежал»; *кIуэ-къуэн* - «смотри, чтобы он не ходил»; *псалъэ-къуэн* - «смотри, чтобы он не говорил» и т.д. В таком случае и в кабардинском языке, как и в адыгейском, эти слова будут выражать предупредительные модальные отношения. Если, допустим, возьмем слово *кIуэ-къуэн*, то оно, по идее, должно выражать предупреждение (смотри, не ходи, а то что-то такое произойдет (с ним).

В кабардинском языке слово *еуцхъэсын* [4: 164] используется с отклонени-

ем от норм по значению. Оно переводится на русский язык словом «рассчитывать, полагаться на кого-л.», «*доверять кому-л.*». Однако эти русские слова переводятся на кабардинский язык следующими словами: «полагаться» [6] - «*цыгугъын*» - я на тебя полагаюсь – «*сэ уэ сытцогугъ*»; «рассчитывать» («надеяться») [6: 368] - «*цыгугъын*» - надеяться (рассчитывать) на друга «*ныбджэгъум цыгугъын*».

Слово *ечэнджэщын* в кабардинском языке используется в двух значениях: в значении «*посоветоваться с кем-л.*» [4: 167] и в значении «*сомневаться*» - «*эчэнджэщэн кытехъэн*» [4: 786]. В первом значении оно является отклонением от языковых норм адыгских языков по значению, а во втором - оно отвечает существующим языковым нормам по значению. Тому свидетельство использование адыг. *еджэнджэщын* (каб. *ечэнджэщын*) в адыгейском языке в значении «сомневаться». В значении же «посоветоваться с кем-л.» в адыгейском языке используется *еупчIыжъын*. Почти тоже самое слово *еупщIын* имеется в кабардинском языке со значением «спросить у кого-л.», чтобы получить ответ на интересующий вопрос. Значит, слово *ечэнджэщын* (адыг. *еджэнджэщын*) в адыгских языках следует использовать без отклонения от норм соче-

таемости слов по значению в понятии «сомневаться», а в значении «советоваться с кем-л.» - *еупчIыжъын* «спросить, чтобы получить ответ на волнующий вопрос».

Вместо *ечэнджэщын* (адыг. *еджэнджэщын*) в адыгских языках (в кабардинском и адыгейском) одинаково употребляется слово *шэч* (адыг. *щэч*) в том же значении - «сомневаться» - *шэч хэмыльу* (адыг. *щэч хэмыльэу*) - «без сомнения»; «*сыгу джэнджэши къыригъэхъагъ*» и «*сыгу щэч къыригъэхъагъ*» «в душу сомнение вкралось».

Любой человек, пользующийся адыгскими языками, знает, что твердые предметы «моются», а не «стираются», сыпучие - «сыплют», а не «выливают».

Таким образом, тарелку «моют», но «не стирают», пшеницу «высыпают», но «не выливают», человек «купается», но «не стирается», *псыр егъукIы* «вода высыхает», но «не худеет» и т.д. Таковы законы сочетаемости слов в языке по значению.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что все отклонения от нормы сочетаемости слов по значению, встречающиеся в адыгских языках, нами не охвачены. Ясно одно, что в языках имеются неписанные правила сочетаемости слов по их семантике, ставшие законами языка, если не по грамматическим правилам, то по значению, т.е. по логике вещей.

Примечания:

1. Примеры из произведения А. Блока взяты из кн. Корнея Чуковского «Соч. в двух томах», т. II. - М., 1990. - С.471-472.
2. Гишев, Н.Т. Некоторые особенности языка адыгейского фольклора / Сб. «Вопросы адыгейского языкознания», вып. II. - Майкоп: АНИИ, 1982. - С. 110-145.
3. Тимофеев Борис. Правильно ли мы говорим? - Лениздат, - 1963. - С.51.
4. Адыгэ псалъальэ. Словарь кабардино-черкесского языка. Около 31000 слов. - Москва. - «Дигора». ИГИ КБНЦ РАН, 1999. - С.313.
5. См.: Гишев Н.Т. Глагол адыгейского языка. - М.: Изд. «Прометей», 1989. С.145-146.
6. Русско-кабардино-черкесский словарь. - М., 1955. - С.575.

References:

1. The examples from A. Blok's work are taken from Korney Chukovsky's book «Works in two volumes», V. II. - M., 1990. - P. 471-472.

-
2. Gishev, N.T. Some features of the Adyghe folklore language / Coll. «Problems of the Adyghe linguistics», issue P. - Maikop: ANII, 1982. – P. 110-145.
 3. Timofeev Boris. Do we speak correctly? – Lenizdat, - 1963. – P. 51.
 4. АДЫГЭ ПСАЛЪАЛЪЭ. Dictionary of Kabardian-Circassian language. About 31000 words. – Moscow. – «Digora». IGI KBNTs RAN, 1999. – P. 313.
 5. See: Gishev N.T. A verb of the Adyghe language. – M.: Prometheus publishing house, 1989. P. 145-146.
 6. Russian-Kabardian-Circassian dictionary. – M., 1955. – P. 575.